

ПЯТЬ ШАГОВ В БЕЗДНУ

18+

ВИНСЕНТ ДРЕЙКЕ

Винсент Дрейк

Пять шагов в бездну

«Автор»

2026

Дрейк В.

Пять шагов в бездну / В. Дрейк — «Автор», 2026

На Совхозной улице ночью выламывают дверь квартиры. Мужчину уводят босиком, жену оставляют со сломанными рёбрами, а журналист Андрей слышит фразу: «Вы не люди. Вы биомасса». Случайный обрывок бумаги становится началом расследования, которое выводит его далеко за пределы одного рейда. Суды, больницы, архивы, закрытые встречи и зашифрованные переписки складываются в карту системы, где верующих называют «деструктивным культом», матерей лишают детей через фальшивые экспертизы, пожилых людей судят за чтение религиозных текстов, а экспертный язык проникает в суды, министерства и журналистику. Параллельно развивается история Дортмунда 1930-х годов. Для Хелене Готхольт путь начинается с равнодушных взглядов и слова «секта», а заканчивается доносами, арестом и лагерной меткой — фиолетовым треугольником. Политико-исторический триллер о том, как ярлык превращается в изоляцию, дискриминацию, насилие и уничтожение. И о тех, кто в последний момент всё-таки делает шаг в противоположную сторону.

© Дрейк В., 2026

© Автор, 2026

Винсент Дрейк

Пять шагов в бездну

Это произведение создано как художественный текст. Все действующие лица, обстоятельства, организации и события существуют в пространстве авторского вымысла или даны в художественной интерпретации. Любое сходство с реальными людьми, независимо от того, живы они или умерли, а также с реальными организациями, компаниями и событиями следует считать случайным.

Пролог

Ночь на двенадцатое февраля не отличалась от прочих: минус двадцать три на градуснике у входа, скрип снега под сапогами вахтёра, ровный гул ламп дневного света в коридоре четвёртого этажа. Городская клиническая больница спала неровным, прерывистым сном — где-то стонали за дверью, где-то мерно капал раствор, где-то у окна ординаторской переговаривались две санитарки, кутаясь в казённые халаты.

В палате № 9 лежала Анна Тимофеевна Крутова, семидесяти двух лет, третьи сутки после инфаркта. Дежурить у неё в ту ночь досталось не медсестре — та отошла в ординаторскую за ампулами, — а санитару, восемнадцати лет, устроившемуся на подработку месяц назад. Волосы у него были длиннее положенного, спрятаны под белой шапочкой так, что на затылке всё равно торчали пряди. В отделении его уже прозвали тихим — не потому что молчал, а потому что ничего не боялся: ни крови, ни хрипов, ни того особого запаха, который появляется в палате перед тем, как заканчивается жизнь человеческого тела.

Монитор у кровати Крутовой чертил неровную линию. Санитар стоял рядом, не двигаясь, руки в карманах халата. За окном, сквозь налесь на стекле, виднелся кусок ночного неба — низкого, беззвёздного, того самого, какое бывает над Москвой в феврале, когда облака подсвечены снизу фонарями и кажутся ватными изнутри.

Кнопка вызова была в тридцати сантиметрах от его руки. Он смотрел не на неё, а на потолок.

Существовало правило: при ухудшении — сразу звонок. Правило висело на стене, отпечатанное на машинке, приколотое кнопками, слегка отклеившееся с одного угла. Он читал его в первую смену, запомнил дословно и с тех пор ни разу не нарушал — до этой ночи, когда решил проверить кое-что другое, не имеющее отношения к инструкциям.

Линия на мониторе стала реже. Он не шевельнулся.

Он до сих пор помнил, как в детстве его друг делился наставлениями своей бабушки. Нельзя врать — накажет Бог. Нельзя брать чужое — накажет Бог. Нельзя обижать слабого — накажет Бог, и молния ударит прямо в того, кто посмел. Он верил этому лет до двенадцати, а потом попробовал — по мелочи, без свидетелей: соврал в глаза учителю, взял без спроса рубль из маминой сумки, толкнул мальчишку из соседнего двора так, что тот упал в грязь у гаражей. Небо оставалось на месте. Ни грома, ни знака, ни голоса.

Сейчас, стоя у кровати умирающей женщины, которую он не знал и никогда прежде не видел до этой смены, он делал то же самое — только крупнее. Ждал не наказания как такового, а хоть какого-то ответа. Знака, что есть предел, за который нельзя.

Линия на мониторе выровнялась в почти прямую полосу.

Он подождал ещё немного — не из жалости и не из страха, а из добросовестности эксперимента, — и лишь после этого шагнул к двери и позвал дежурную медсестру, спокойным голосом, ровно таким, каким полагается звать в подобных случаях.

Зоя Петровна, старшая по смене, прибежала быстро, оттолкнула его от кровати, сама взялась за реанимационные мероприятия — без толку, время было упущено ещё до того, как

санитар вообще подошёл к двери. Позже, заполняя карту, она спросила его — просто по протоколу, не подозревая ничего, — почему не позвал раньше.

— Показалось, что ещё есть время, — ответил он.

Она кивнула, устало, без всякой задней мысли, и вписала это в карту почти его же словами: «состояние ухудшилось внезапно, помощь оказана незамедлительно». Бумага приняла ложь без единого возражения — как и небо.

Он вышел в коридор, снял перчатки, вымыл руки под ледяной струёй, потому что горячую воду в тот час давали через раз. За окном лестничной клетки то самое небо всё ещё висело на месте — низкое, беззвёздное, ровное, будто и не заметило.

Молния не пришла.

Он выключил свет в подсобке и подумал — без страха, почти с облегчением: там, наверху, никого нет. Есть только он.

Глава 1. Морозная ночь на Совхозной

Вибрация телефона разорвала плотную тишину спальни в сорок минут второго. Экран смартфона резким белым светом выхватил из темноты угол тумбочки, стакан с недопитой водой и наручные часы. На дисплее высветилось имя Виктора — фельдшера скорой помощи, с которым Андрей пересекался полгода назад во время подготовки материала о нехватке профильных бригад в регионе.

Трубка ответила фоновым гулом автомобильной печки и треском статической рации.

— Спишь? — голос Виктора звучал глухо, без привычной ироничной интонации.

— Уже нет. Что стряслось?

— Ты просил маякнуть, если по твоему профилю снова начнётся движение. Совхозная, четырнадцать, пятый подъезд. Мы только что оттуда. Увезли женщину с подозрением на перелом рёбер, сейчас везём в третью городскую. В квартире натуральный погром, дверь вынесли вместе с коробкой.

Андрей сел на кровати, нащупывая ступнями холодный линолеум.

— Обычный криминал? Ограбление?

— Если бы. Соседи говорят, работали люди в штатском. Никаких протоколов, никаких понятых. Забрали мужа, жену оставили на полу. Я бы не звонил в такую рань, но там весь пол усыпан религиозной литературой. Всё, как ты рассказывал в прошлый раз. Давай, если интересно, подтягивайся в больницу, но сначала загляни на адрес, пока там всё не вычистили.

Связь оборвалась короткими гудками. За окном стояла глухая, морозная ночь начала две тысячи двадцати шестого года. Северодольск застыл под куполом минус двадцати восьми градусов; воздух казался настолько плотным, что уличные фонари отбрасывали на снег неровные, дрожащие круги света.

Двигатель старой иномарки завёлся со второго раза, натужно чихнув сизым дымом. Салон прогревался медленно. Пока ледяной пластик руля обжигал ладони без перчаток, Андрей прокручивал в голове скудные детали. До сих пор подобные рейды в их области носили точечный, почти случайный характер: участковый мог нагрянуть на собрание верующих, выписать штраф, изъять пару брошюр. Но выломанные двери и сломанные рёбра посреди ночи — это был совершенно иной уровень эскалации.

Улица Совхозная представляла собой длинную вереницу панельных пятиэтажек, построенных ещё в конце семидесятых. Дворы здесь были узкими, заставленными машинами, чьи лобовые стёкла давно покрылись толстым слоем инея. У пятого подъезда дома номер четырнадцать снег был обильно истоптан. Тяжёлые ботинки оставили глубокие борозды, ведущие от металлической двери к проезжей части, где, судя по следам шин, недавно разворачивался тяжёлый микроавтобус.

Замок на подъездной двери оказался сорван. Лестничные пролёты освещались тусклыми лампами накаливания. На третьем этаже Андрею даже не пришлось искать нужный номер.

Дверь квартиры с облупившимся дерматином висела на одной нижней петле. Деревянная дверная коробка была выворочена с мясом, куски расщеплённой сосны усеивали бетонную площадку. Внутри царил полумрак, свет падал только из коридора, выхватывая развороченный шкаф в прихожей.

Под ногами хрустнуло. Осколки стекла смешались с грязным снегом, нанесённым с обувью визитёров. Рядом валялась расколота надвое деревянная полка, а чуть поодаль — раздавленная рамка от небольшой иконы. По всему коридору, вплоть до кухни, были разбросаны цветные брошюры, карманные издания Нового Завета и какие-то распечатки. Страницы многих книг оказались разорваны или смяты грязными подошвами.

Скрип дверной петли за спиной заставил его обернуться.

Дверь соседней квартиры приоткрылась ровно на длину натянутой металлической цепочки. В узкую щель смотрел испуганный глаз, обрамлённый глубокими морщинами.

— Вы из полиции? — шёпотом спросила женщина по ту сторону.

— Нет. Я журналист. Меня зовут Андрей. — Он медленно достал из внутреннего кармана куртки удостоверение и раскрыл его, поднеся поближе к свету лампы. — Вы соседка?

Цепочка звякнула, дверь приоткрылась шире. На пороге стояла пожилая женщина в наброшенном поверх ночной сорочки толстом пуховике. Седые волосы были небрежно заколоты на затылке, руки мелко дрожали, теребя края карманов.

— Лидия Сергеевна я, — выдохнула она, не сводя глаз с разгромленной квартиры. — Господи, что же это делается. Игоря увели, Жанночку скорая забрала. Я ведь полицию пыталась вызвать, когда грохот начался, а там трубку бросают. Говорят, по этому адресу работают оперативные службы, не вмешивайтесь.

— Вы видели тех, кто это сделал?

— Видела. В глазок смотрела, не отрываясь. — Лидия Сергеевна поёжилась, обхватив себя руками за плечи. — Трое их было. Без формы, в обычных куртках тёмных, но морды такие... казённые. У одного папка была чёрная, толстая. Они когда дверь ломали, даже не кричали «откройте, полиция». Просто вынесли её с разбега, как бандиты какие-то.

Андрей достал блокнот, быстро фиксируя детали.

— Они что-нибудь говорили? Между собой или жильцам?

Соседка нервно оглянулась вглубь своей квартиры, словно опасаясь, что кто-то прячется в её собственной прихожей.

— Я слышала, как Жанна кричала. Просила дать мужу одеться. А один из этих, который с папкой, вышел на площадку курить. Прямо здесь стоял. Вторым ему из квартиры кричит: «Ну что там?», а этот затягивается и отвечает: «Список сходится. Птички в клетке, можно грузить». И смеётся так, знаешь, нехорошо. Без радости смеётся, как автомат.

— Список сходится? Вы уверены, что фраза звучала именно так?

— Уверена. У меня слух хороший. А потом Игоря вывели. Руки за спиной стянули каким-то пластиковым жгутом, он даже обуться не успел, в одних носках по лестнице погнали. Жанна за ними кинулась, так тот, курящий, её прямо в грудь сапогом толкнул. Она об стену ударилась и сползла. Я к ней выбежала только когда машина их со двора выехала.

Поблагодарив Лидию Сергеевну и посоветовав ей запереть дверь на все замки, Андрей спустился вниз. Холодный воздух обжёг лёгкие. Фраза «список сходится» не давала покоя. Она подразумевала систему. Систему, в которой обычная семья Поповых с улицы Совхозной оказалась не случайной жертвой превышения полномочий, а строчкой в заранее утверждённом плане.

Дорога до третьей городской больницы заняла пятнадцать минут. Приёмный покой встретил привычной для этого времени суток атмосферой уставшего равнодушия. На пластиковых креслах вдоль бледно-зелёной стены дремал бездомный, а чуть дальше сидела женщина.

Жанне Поповой было сорок четыре года, но в этот момент она выглядела старше. Тёмно-русые волосы сбились в неопрятный колтун, на щеке виднелась свежая ссадина. Она сидела сгорбившись, плотно прижимая левую руку к правому боку. На ней был накинут явно чужой, слишком большой мужской пуховик поверх порванной домашней футболки.

Андрей подошёл медленно, стараясь не напугать её резким движением. Присел на соседнее кресло.

— Жанна? Меня зовут Андрей. Я от Виктора, фельдшера, который вас сюда привёз.

Женщина подняла на него глаза. В них не было слёз — только звенящая, пустая растерянность человека, чей мир рухнул пару часов назад.

— Мне сказали ждать рентгена, — произнесла она тихо. Голос срывался, каждое слово давалось с видимым усилием, сопровождаясь коротким вдохом. — Но я не могу тут сидеть. Мне нужно искать Игоря. Вы можете мне помочь? У вас есть телефон адвоката?

— Постараюсь. Расскажите, что произошло. Кого именно забрали и куда?

Жанна судорожно вздохнула и тут же поморщилась от боли в рёбрах.

— Мы спали. Дверь просто взорвалась. Я даже не поняла сначала, думала, газ на кухне. Влетели трое. Игоря сразу лицом в пол, прямо на стёкла от иконы. Он кричит: «Ребята, вы ошиблись, мы ничего не сделали!». А они молчат. Просто ходят по квартире, сбрасывают всё с полок.

Она замолчала, раскачиваясь из стороны в сторону.

— Они предъявили удостоверения? Ордер на обыск?

— Нет. Когда я попросила вызвать адвоката, один из них, высокий такой, в чёрной водолазке, просто рассмеялся. Подошёл ко мне вплотную. Я сидела на полу, а он навис сверху. Смотрит на меня не как на человека, а как... не знаю, как на насекомое. Я ему говорю: «Мы же люди, вы не имеете права». А он наклоняется и говорит прямо в лицо: «Вы не люди. Вы биомасса. Отработанный материал».

Андрей почувствовал, как по спине пробежал холодок. Обычные оперативники, пришедшие за «палками» для статистики, так не разговаривают. Они грубят, матерятся, применяют силу, но в их агрессии есть понятная, животная природа. В словах «вы биомасса» крылась идеология. Это был язык расчеловечивания, холодный и методичный.

— Какую статью они называли, когда забирали Игоря?

— Никакую. Просто подняли его за пластиковые стяжки на запястьях. Он от боли вскрикнул. Я кинулась к ним, хотела куртку ему передать, на улице же мороз. Тот, высокий, оттолкнул меня. Я ударилась спиной о косяк. Дальше всё как в тумане. Помню только, как соседка надо мной причитала и скорую вызывала.

Она вдруг замерла, оглянулась по сторонам на пустой коридор, словно проверяя, не слушает ли их дежурная медсестра за стеклом регистратуры. Затем её рука медленно скользнула в карман необъятного пуховика.

— Когда они только ворвались, — зашептала Жанна, наклоняясь ближе к Андрею, — тот, с папкой, положил её на кухонный стол. Пока двое других крушили шкаф в зале, он отвлёкся на телефонный звонок. Папка была приоткрыта. Там лежали какие-то списки, фотографии. Я сидела на полу рядом со столом. Сама не знаю, как решилась. Просто протянула руку, хотела вытащить верхний лист, чтобы хоть какое-то имя узнать или номер отдела.

Пальцы Жанны дрожали так сильно, что бумажный комочек, который она извлекла из кармана, едва не упал на линолеум.

— Он обернулся слишком быстро. Я успела только дёрнуть лист на себя. Угол оторвался. Он этого даже не заметил, просто захлопнул папку и сунул её под мышку.

Она разжала ладонь. На её ладони лежал неровно оторванный треугольник плотной белой бумаги.

Первой реакцией Андрея был профессиональный скепсис. Журналистский опыт приучил его сомневаться в теориях заговора. Местные полицейские перегибы, жестокость силовиков при задержаниях, сфабрикованные дела ради отчётности — всё это было рутиной в их регионе. Масштабный заговор с тайными списками звучал слишком кинематографично.

Но физическое доказательство лежало перед ним.

Он осторожно взял клочок бумаги. Бумага была плотной, качественной, не из дешёвых принтерных пачек, которые обычно используют в районных отделах полиции. В самом верху оторванного фрагмента сохранилась часть шапки документа. Текст был набран строгим, официальным шрифтом, с выделением полужирным.

Две строки, напечатанные чёрным по белому:

РАЦИРС. Методические материалы для сотрудников

Ниже виднелся обрывок первой фразы самого текста: «...при выявлении признаков деструктивного повед...». Дальше бумага обрывалась.

Андрей несколько раз перечитал странную аббревиатуру. РАЦИРС. Это не было похоже ни на одно известное ему подразделение МВД, ФСБ или Следственного комитета. Государственные органы использовали стандартизированные бланки, гербовые печати, чёткие наименования управлений. Это же больше напоминало внутренний циркуляр какой-то корпорации или закрытого института.

— Вы знаете, что это значит? — с надеждой спросила Жанна, вглядываясь в его лицо.

— Пока нет, — честно ответил Андрей. Он аккуратно расправил клочок бумаги и убрал его в свой блокнот, заложив между чистыми страницами. — Но я выясню. Обязательно выясню. Сейчас главное найти вашего мужа. Я позвоню знакомому адвокату, который специализируется на превышении должностных полномочий. Они не могли раствориться в воздухе. Если его увезли в городское управление, дежурный обязан зафиксировать доставленного.

Из-за угла коридора показалась заспанная рентген-лаборантка в синем хирургическом костюме.

— Попова! — недовольно крикнула она на весь этаж. — Долго вас ждать? Проходите в кабинет.

Жанна тяжело поднялась, инстинктивно придерживая бок. Она сделала несколько неуверенных шагов, затем обернулась.

— Андрей, — тихо позвала она. — Тот офицер... он ведь не просто так это сказал. Про биомассу. Он искренне в это верил. Я видела его глаза. Для него мы действительно уже не люди.

Она скрылась за тяжёлой дверью рентген-кабинета.

Андрей остался стоять посреди больничного коридора. Люминесцентные лампы над головой издавали ровный, едва слышный гул. Он достал блокнот, снова открыл страницу с вложенным клочком бумаги. Буквы не изменились, но теперь они казались тяжелее.

«Методические материалы для сотрудников».

Кто-то целенаправленно обучал людей в штатском выламывать двери, оставлять людей на морозе без одежды и называть их отработанным материалом. Это не было случайным всплеском агрессии. Это была инструкция. Механизм, запущенный кем-то сверху и теперь работающий с безупречной, безжалостной точностью.

Он закрыл блокнот, сунул его глубоко в карман и направился к выходу из больницы. Морозная ночь на Совхозной закончилась, но темнота, породившая её, только начинала ступать. У Андрея не было ответов, но в его руках теперь находилась нить. И он собирался потянуть за неё, не представляя, какой именно механизм скрывается на другом конце.

Глава 2. Воздух над Дортмундом

Пылинки медленно кружились в широких полосах утреннего света, падавших сквозь высокие, давно не мытые окна арендованного зала на Мюнстерштрассе. Около сорока человек сидели на жёстких складных стульях, выстроенных в неровные ряды. Их голоса сливались в

стройный, глубокий хор, исполняющий воскресный гимн. Звук отражался от голых оштукатуренных стен, заполняя пространство той особой теплотой, ради которой эти люди собирались здесь каждую неделю.

Хелене Готхольт стояла в третьем ряду, держа перед собой открытый сборник песнопений. Страницы книги слегка пожелтели по краям от частого использования. Она не смотрела в текст — слова давно отпечатались в памяти, позволяя взгляду скользить по лицам присутствующих. Рядом с ней стоял муж, Мартин, чьё плечо привычно и надёжно касалось её руки при каждом вздохе. Чуть впереди, склонив голову, пела фрау Мюллер, потерявшая сына в Великую войну, а справа от прохода переминался с ноги на ногу старейшина общины, брат Фишер.

Гимн завершился долгим, тягучим аккордом, после которого в зале повисла почтительная тишина, нарушаемая лишь скрипом распрямляющегося дерева и шорохом одежды. Собрание подошло к концу. Люди начали медленно расходиться, сбиваясь в небольшие группы, обмениваясь новостями, тихо обсуждая прошедшую неделю.

К Хелене робко приблизилась девушка в простом сером платье из грубой шерсти. Грете Бергман исполнилось девятнадцать всего месяц назад. Её тонкие пальцы, загрубевшие и исколотые иглами на текстильной фабрике, нервно теребили край вязаной шали.

— Сестра Хелене, — голос девушки дрогнул, она опустила глаза на носки своих стоптанных ботинок. — Можно вас на минуту?

Они отошли к подоконнику, подальше от основного потока прихожан, направляющихся к выходу. За стеклом Дортмунд жил своей обычной воскресной жизнью: дребезжал трамвай на соседней улице, лаяла собака, из пекарен тянуло свежим хлебом. Но внутри зала время словно текло по иным законам.

— Я много думала о том, что говорил брат Фишер на прошлой неделе, — начала Грете, поднимая взгляд. В её светлых глазах читалась смесь решимости и детского испуга. — О посвящении. О том, чтобы сделать шаг осознанно. Я хочу принять крещение в следующем месяце. Но мне страшно сделать это без подготовки. Вы... вы не согласились бы стать моей наставницей?

Хелене мягко улыбнулась, накрыв холодные руки девушки своими ладонями.

— Это серьёзный шаг, Грете. Особенно сейчас, когда мир вокруг становится таким беспокойным, — произнесла Хелене, чувствуя, как мелко дрожат пальцы девушки. — Быть частью нашей общины означает не только петь гимны по воскресеньям. Это значит стоять в истине, даже когда другие отворачиваются. Ты готова к этому?

— Я готова учиться, — твёрже ответила девушка. — Если вы мне поможет.

Договорившись о встречах по вечерам в среду, Хелене проводила Грете к выходу. На душе было светло, но где-то на самом дне сознания уже ворочалось смутное, необъяснимое беспокойство. Воздух в городе действительно менялся. Это не выражалось в громких событиях или открытых угрозах. Изменения происходили на уровне полутонов, случайных взглядов, обрывков фраз в очередях за хлебом.

На следующее утро это беспокойство обрело вполне конкретные очертания.

Городская больница Дортмунда встретила Хелене привычной суетой утренней смены. Звон металлических суден, шаги врачей по кафельному полу, резкий запах карболки и йодоформа — всё это составляло рутину, в которой она чувствовала себя уверенно и спокойно. Отработав в отделении хирургии почти десять лет, она знала здесь каждый угол, каждую трещину на штукатурке.

Ближе к полудню, когда выдалась короткая пауза перед обходом, Хелене зашла в ординаторскую, чтобы выпить чашку эрзац-кофе. У стола стояла Ильзе Брандт, старшая медсестра соседнего отделения. Ильзе всегда отличалась прагматичным умом и привычкой знать всё, что происходит в городе, задолго до того, как об этом начинали говорить в открытую.

Вместо приветствия Ильзе молча пододвинула по столешнице сложенный вдвое лист газеты.

— Посмотри на это, — тихо сказала она, оглядываясь на приоткрытую дверь. — Вчерашний выпуск «Дортмундер Цайтунг». Третья полоса, в самом низу.

Хелене опустила глаза на пористую, пачкающую пальцы бумагу. Статья была небольшой, без кричащих заголовков, написанная сухим языком. В ней говорилось о необходимости духовного сплочения нации перед лицом новых вызовов. Но взгляд сразу зацепился за выделенный полужирным шрифтом термин: *gefährliche Sekte* — опасная секта.

Текст ссылался на недавнее экспертное заключение Апологетического семинара, действующего при протестантской церкви. Автор статьи, ссылаясь на авторитет пастора Вальтера Кюннета, утверждал, что малые религиозные группы, отказывающиеся от участия в политической жизни государства и не разделяющие национальных устремлений, представляют собой скрытую угрозу для морального здоровья немецкого народа.

— Апологетический семинар? — Хелене нахмурилась, перечитывая абзац. — Разве они не занимаются просто теологическими спорами?

Ильзе покачала головой, нервно поправляя накрахмаленный чепец.

— Они были созданы ещё в двадцать первом году, Хелене. Тогда это действительно была просто защита церковных догматов. Но теперь этот Кюннет превратил семинар в нечто иное. Мой брат работает в городском архиве, он говорит, что они начали собирать списки. Данные о любых группах, которые церковь считает конкурентами или просто подозрительными. Антропософы, спириты, исследователи Библии — все попадают в одну категорию. Категорию неблагонадёжных.

Слово «неблагонадёжные» повисло в прокуренном воздухе ординаторской. Хелене аккуратно отодвинула газету, словно та могла обжечь.

— Мы никому не желаем зла, Ильзе. Мы просто читаем Писание и стараемся жить по совести. Какая в этом опасность для нации?

— Совесть сейчас не в моде, дорогая, — горько усмехнулась коллега, забирая вырезку и пряча её в карман передника. — В моде единомыслие. Посмотри на доску объявлений у входа. Ты видела новый циркуляр?

Хелене вспомнила серый лист бумаги, появившийся на пробковой доске сегодня утром. Она прошла мимо, спеша на перевязку, и не вчиталась в текст.

— Там приказ от администрации, — продолжила Ильзе, понизив голос до шёпота. — Требование к каждому сотруднику больницы незамедлительно сообщать о любых проявлениях «политической неблагонадёжности» среди коллег. О любых разговорах, ставящих под сомнение курс правительства. Они просят нас следить друг за другом, Хелене. И этот семинар со своими списками сект — часть того же процесса. Они делят людей на правильных и неправильных. Будь осторожна. Твоя община уже на карандаше.

Остаток смены прошёл как в тумане. Привычные действия — замена бинтов, измерение температуры, заполнение карт — выполнялись механически. В голове пульсировала фраза из газеты: *опасная секта*. Это было не просто оскорбление. Это был ярлык, аккуратно вырезанный и подготовленный для того, чтобы прикрепить его к живым людям.

Вечером, возвращаясь домой, Хелене решила пройти через площадь, чтобы купить свежих овощей. Ветер гнал по брусчатке обрывки старых афиш. На углу Фридрихштрассе она заметила знакомую фигуру.

Отто Фенске жил в доме напротив уже лет пятнадцать. Когда-то, до инфляции и кризиса, он часто заходил к Готхольтам по вечерам в пятницу. Они с Мартином могли часами сидеть на кухне, расписывая партию в скат, громко споря о правилах и смеясь над неудачными ходами. Отто был шумным, добродушным человеком, работавшим на почте и вечно жаловавшимся на боли в пояснице.

Сейчас он шёл ей навстречу, одетый в добротное тёмное пальто. На левом рукаве ярким пятном выделялась красная повязка с чёрной свастикой в белом круге. Новая должность — блокляйтер, ответственный за квартал.

Хелене по привычке замедлила шаг, готовясь приветливо кивнуть, спросить о здоровье его жены Эльзы. Расстояние между ними сокращалось. Десять шагов. Пять.

Отто смотрел прямо перед собой. Его лицо, обычно румяное и подвижное, сейчас казалось высеченным из серого камня. За два шага до того, как их пути должны были пересечься, он резко повернул голову в сторону витрины галантерейного магазина, делая вид, что крайне заинтересован выставленными там катушками ниток. Он прошёл мимо, чеканя шаг, не издав ни звука, даже не скользнув по ней взглядом.

Хелене остановилась, чувствуя, как холодный ветер пробирается под воротник пальто. Дело было не в том, что он её не заметил. Он её *избегал*. Этот человек, пивший чай на её кухне, знавший её по имени, намеренно вычеркнул её из своего поля зрения, потому что теперь она принадлежала к категории людей, с которыми блокляйтеру не полагалось здороваться на улице. Это было мелкое, безмолвное предательство, но от него веяло ледяной пустотой.

Дома её ждала записка от Мартина: он задерживался на заводе из-за поломки станка. Хелене оставила сумку с продуктами на столе и, повинувшись внезапному порыву, решила зайти к брату Фишеру. Его дом находился в двух кварталах от их квартиры, на первом этаже старого кирпичного здания. Ей нужно было поговорить с кем-то о газете, о циркуляре в больнице, об остекленевшем взгляде Отто Фенске.

Дверь в квартиру Фишера оказалась приоткрыта. Из гостиной доносились приглушённые голоса. Хелене замерла в тесной прихожей, не решаясь войти без стука, но и не уходя.

— ...мы просим вас понять, герр Фишер, что это делается исключительно ради вашей же безопасности, — произнёс незнакомый мужской голос, ровный, хорошо поставленный, с лёгким берлинским акцентом. — Времена сейчас сложные. Государство нуждается в ясности.

— Я не совсем понимаю, о какой ясности идёт речь, господа, — голос старейшины звучал спокойно, но в нём угадывалось напряжение. — Мы открытая община. Наши двери не закрыты во время собраний. Мы не занимаемся политикой.

— Именно поэтому мы здесь, — вступил второй голос, чуть более резкий и молодой. — Апологетический семинар собирает данные по поручению церковного руководства. Пастор Кюннет лично курирует этот вопрос. Нам необходимо отделить истинно верующих от тех, кто использует религию как ширму для марксистской пропаганды или подрывной деятельности. Вы же не хотите, чтобы вашу общину перепутали с коммунистической ячейкой?

Хелене осторожно выглянула из-за косяка. Посреди скромно обставленной гостиной, прямо под вышитым изречением из Псалмов, стояли двое мужчин. Оба в безупречно скроенных костюмах, с портфелями из хорошей телячьей кожи. Они не были похожи на полицейских. Скорее, на университетских профессоров или банковских клерков.

— Всё, что нам нужно, — продолжил первый визитёр, доставая из портфеля папку с металлическим зажимом, — это полный список членов вашей общины. С указанием адресов и мест работы. Это формальность. Мы внесём вас в реестр безопасных религиозных групп, и к вам больше не будет никаких вопросов.

Брат Фишер стоял у окна, сцепив руки за спиной. Его седая голова была слегка опущена.

— Писание учит нас быть покорными властям в том, что не противоречит закону Бога, — медленно произнёс старейшина. — Но я не могу передать вам списки людей, доверивших мне свои души, не спросив их согласия. Тем более людям, не имеющим официальных полномочий от полиции.

Мужчина с папкой снисходительно улыбнулся, защёлкивая замок. Звук металла прозвучал в тишине комнаты неожиданно громко.

— Вы заблуждаетесь, герр Фишер, если думаете, что между нами и государством есть какая-то разница в этих вопросах. Мы делаем одно дело. Очищаем тело нации от инородных элементов. Мы дадим вам время подумать. Скажем, до конца недели. Но помните: отказ от сотрудничества сам по себе является признаком неблагонадёжности.

Они направились к выходу. Хелене едва успела отступить в тень лестничной клетки, вжавшись спиной в холодную стену. Двое представителей семинара прошли мимо, не заметив её, тихо переговариваясь о том, где лучше выпить кофе перед следующим визитом.

Когда она вернулась в свою квартиру, на улице уже стемнело. В прихожей пахло гарью. Этот запах, резкий и тревожный, заставил её броситься на кухню.

Мартин сидел на корточках перед открытой дверцей чугунной печи. Внутри полыхал огонь, отбрасывая на его уставшее, покрытое заводской копотью лицо неровные красные блики. Рядом на полу лежала стопка бумаги.

Хелене подошла ближе. Это были старые профсоюзные листовки, брошюры о правах рабочих, копии протоколов собраний с его завода за прошлые годы. Документы, которые ещё вчера казались обычным свидетельством гражданской жизни, сегодня превратились в улики.

Мартин не смотрел на неё. Он методично, лист за листом, брал бумагу, комкал её в руке и бросал в прожорливое пламя. Огонь жадно слизывал печатные строчки, превращая их в чёрный, скручивающийся пепел.

— Мартин? — тихо позвала она.

Он замер, держа в руке очередную листовку. Его плечи тяжело опустились.

— На заводе сегодня забрали двоих из цеха сборки, — произнёс он глухо, не оборачиваясь. — Просто подошли к станкам и увели. Мастер сказал, что они состояли в списках социалистов. Кто-то передал эти списки наверх.

Он бросил скомканный лист в огонь. Искры взметнулись вверх, улетаая в тёмное жерло дымохода.

Хелене опустилась на колени рядом с мужем. Она смотрела на то, как горят бумаги, и думала о газетной вырезке в кармане Ильзе, о пустом взгляде Отто Фенске, о вежливых людях с кожаными портфелями, требующих имена её братьев и сестёр.

Страх переступил порог их дома не с грохотом сапог и не с криками приказа. Он вошёл тихо, в виде списков, газетных статей и отведённых в сторону глаз.

Печь гудела, пожирая прошлое. Мартин протянул руку и крепко сжал пальцы жены. Они сидели в тишине, глядя на остывающие угли, пока в комнате не остался лишь запах дыма и тяжёлое предчувствие того, что этот огонь — только начало.

Глава 3. Папка Кюннета

Остывший френч-пресс с остатками тёмной заварки делил пространство массивного дубового стола с хаотичными стопками монографий, архивных выписок и распечаток. Кабинет Елены Руткевич, старшего научного сотрудника Института истории религии, напоминал бумажную пещеру, где каждый свободный сантиметр поверхности был отвоёван наукой у повседневности. За узким окном, затянутым морозной дымкой, угадывались серые очертания московских высоток, но здесь, на третьем этаже дореволюционного здания, время текло по иным законам.

Андрей сидел на жёстком стуле для посетителей, наблюдая, как хозяйка кабинета вчитывается в переданный ей клочок бумаги. Тот самый неровно оторванный треугольник с надписью «РАЦИРС», добытый Жанной Поповой в ночь разгрома её квартиры.

Елена Викторовна не проронила ни слова с тех пор, как он положил обрывок на стол. Женщина лет пятидесяти, с короткой стрижкой и цепким, оценивающим взглядом, она водила кончиком карандаша по напечатанным строкам, словно пытаясь найти скрытый смысл между букв. Тишину нарушал лишь мерный гул старой чугунной батареи под подоконником.

— «Методические материалы для сотрудников», — наконец произнесла она вслух, откладывая карандаш. Голос у неё был суховатый, привыкший к лекционным аудиториям. — Значит, они уже перешли к прямым инструкциям для оперативных групп. Я предполагала, что этим закончится, но видеть физическое доказательство... это отрезвляет.

— Вы знаете, что это за аббревиатура? — Андрей подался вперёд, опершись локтями о колени. — В официальных реестрах силовых ведомств ничего подобного нет.

Руткевич усмехнулась, но в этой усмешке не было веселья. Она выдвинула нижний ящик стола, лязгнувший металлическими направляющими, и достала пухлую картонную папку на завязках.

— Разумеется, их нет в реестрах МВД или Следственного комитета. РАЦИРС — это Российская ассоциация центров изучения религий и сект. Формально — общественная организация, объединяющая региональные центры по проблеме так называемых тоталитарных культов. Фактически же... — Она развязала тесёмки и раскрыла папку. — Фактически это структура, претендующая на монополию в определении того, во что людям дозволено верить, а во что нет.

Из недр папки на свет появились несколько плотных листов формата А4. Это были качественные цветные сканы старых документов. Пожелтевшая бумага, готический немецкий шрифт фрактур, выцветшие чернильные печати.

— Посмотрите сюда, — Руткевич придвинула к нему верхний лист. — Это тысяча девятьсот тридцать второй год. Докладная записка Апологетического семинара, действовавшего при протестантской церкви в Германии. Называется «Bericht über gefährliche Sekten» — Отчёт об опасных сектах.

Андрей всмотрелся в скан. Немецкий он знал на уровне университетского курса, но отдельные термины угадывались легко.

— Этот семинар был основан ещё в двадцать первом году пастором Вальтером Кюннетом, — продолжила историк, перебирая листы. — Изначально они занимались сугубо теологическими спорами, защищали церковные догматы от влияния новых религиозных течений. Но к началу тридцатых годов их риторика изменилась. Они начали составлять картотеки на малые религиозные группы. Исследователи Библии, антропософы, различные независимые общины. Семинар стал собирать списки людей, которых они считали угрозой для нации. Позже, когда к власти пришли национал-социалисты, эти картотеки оказались крайне востребованными. Кюннет и его структура, не вдаваясь сейчас в глубокие исторические детали, де-факто снабжали гестапо готовыми базами данных на тех, кто не вписывался в идеологический стандарт.

Она достала из-под стопки свежих газет глянцевою брошюру и положила её рядом с архивным сканом. На обложке значился логотип РАЦИРС и год издания — две тысячи девятнадцатый.

— А теперь давайте сравним тексты.

Тонкий палец с аккуратно подстриженным ногтем указал на подчеркнутую фразу в немецком документе.

— Вот здесь, в выводах Кюннета, используется формулировка: «*zersetzende Wirkung auf die Volksseele*». В буквальном переводе — «разлагающее воздействие на народную душу». Они утверждали, что малые группы подрывают моральное здоровье общества самым фактом своего существования вне государственного контроля.

Затем Руткевич открыла современную брошюру на заложенной странице.

— Читаем здесь. Абзац, посвящённый критериям деструктивности. «Данные организации оказывают разрушительное воздействие на психику граждан и подрывают традиционные устои общества».

Слова повисли в воздухе. Андрей переводил взгляд с готического шрифта тридцатых годов на ровные строки современного кириллического текста. Смысловое совпадение было

пугающим. Разница заключалась лишь в терминологии: мистическая «народная душа» сменилась медицинской «психикой граждан», но суть оставалась неизменной.

— Вы хотите сказать, что РАЦИРС просто копирует методики столетней давности?

— Я хочу сказать, что логика охоты на ведьм универсальна, — строго поправила его Елена Викторовна. — Сначала вы вводите ярлык. «Опасная секта», «деструктивный культ». Затем вы подводите под этот ярлык любую группу, которая вам не нравится или кажется неподконтрольной. А потом вы передаёте списки этих людей тем, у кого есть дубинки и наручники.

Она встала из-за стола, подошла к окну и скрестила руки на груди. В неярком свете её профиль казался напряжённым.

— Проблема в том, Андрей, что они не просто пишут книжки. Они встраиваются в государственную систему. РАЦИРС активно продвигает своих людей в экспертные советы при министерствах юстиции, при судах. Они монополизируют право на экспертизу.

Историк вернулась к столу и вытащила из-под энциклопедии тонкую папку-скоросшиватель.

— Знаете, что это? Это новостной бюллетень РАЦИРС за прошлый год. Но прислали его мне не по почте в рамках научной рассылки. Он пришёл сюда, в институт, как приложение к официальному запросу на консультацию из районного суда. Судья просит нас подтвердить выводы «экспертов», ссылаясь на их же материалы как на истину в последней инстанции. Круг замыкается. Они сами создают миф об угрозе, сами пишут методички по борьбе с ней, а затем суды используют эти методички для вынесения реальных приговоров.

Андрей быстро делал пометки в блокноте. История вырисовывалась масштабная. Это было не просто локальное превышение полномочий оперативниками на Совхозной. Это была системная интеграция частной идеологической структуры в государственный силовой аппарат.

— Елена Викторовна, мне нужно записать с вами официальное интервью. С упоминанием вашей должности и названия института. Вы сможете повторить всё это на камеру или хотя бы под диктофон? Сравнение документов Кюннета и РАЦИРС — это бомба. Это покажет прямую преемственность риторики.

Руткевич резко остановилась. Её лицо, до этого оживлённое научной дискуссией, мгновенно закрылось. Она медленно покачала головой, собирая бумаги со стола обратно в картонную папку.

— Исключено. Вы не назовёте моё имя, Андрей. И название института тоже.

— Но почему? Вы же учёный. Вы оперируете фактами.

— Именно потому, что я учёный и хочу им остаться, — отрезала она, завязывая тесёмки на папке с такой силой, что побелели костяшки пальцев. — Вы не понимаете, с кем имеете дело.

Она снова села в кресло, нервно поправив воротник блузки.

— Пару лет назад была история с кафедрой религиоведения в Казанском федеральном университете. Заведующая кафедрой попыталась выступить против их методов. Итог? Масштабная кампания по дискредитации. Обвинения в плагиате, травля в прессе, давление на ректорат. Руководство университета просто не продлило контракт ни с ней, ни с её коллегами. Кафедру фактически зачистили. Зато знаете, кто там сейчас работает? Владимир Рогатин. Член РАЦИРС. Они ампутуют независимые научные центры в регионах и ставят туда своих людей.

Слова историка звучали глухо, но в них чувствовался неподдельный страх человека, осознающего реальную расстановку сил.

— Они устраивают настоящий информационный террор, — продолжала Руткевич, глядя не на Андрея, а куда-то в поверхность стола. — Запугивают коллег. Внушают всем простую мысль: «Если мы разобрались с ними, следующими будете вы». Я не могу рисковать грантами института и судьбами своих аспирантов ради вашей статьи. Берите информацию, используйте

сканы Кюннета, ищите параллели. Но я для вас — анонимный источник в академических кругах. Не более того.

Она придвинула к нему оторванный кусок бумаги с логотипом РАЦИРС.

— Заберите это. И будьте осторожны. Тот, кто обронил эту бумагу в квартире ваших знакомых, не просто исполнитель. Он часть структуры, которая считает себя вправе решать, кто является полноценным гражданином, а кто — отработанным материалом.

Покинув здание Института истории религии, Андрей долго стоял на крыльце, вдыхая морозный московский воздух. Снег скрипел под ногами редких прохожих. В кармане куртки лежала флешка со сканами немецких документов 1932 года и фотографиями современных брошюр.

Голова гудела от обилия информации. Журналистский инстинкт требовал немедленного действия. Связь между нацистским Апологетическим семинаром и современной структурой, консультирующей суды, была слишком яркой, слишком кинематографичной, чтобы прятать её в долгий ящик. Ему нужно было застолбить тему, привлечь внимание аудитории ещё до того, как выйдет большое расследование.

Через два квартала он нашёл небольшую кофейню. Андрей заказал двойной эспresso, выбрал место в углу, спиной к стене, и открыл свой рабочий ноутбук.

Экран привычно мигнул, загружая текстовый редактор. Пальцы легли на клавиатуру.

Он решил написать короткий тизер для своего Telegram-канала, на который были подписаны несколько тысяч коллег, правозащитников и просто интересующихся политикой читателей. Это должно было стать затравкой, крючком, который заставит людей ждать основной материал.

«Как отличить современную экспертизу от нацистской методички? Иногда — только по дате издания».

Андрей набрал первую фразу и удовлетворенно кивнул. Хлестко. Дальше нужно было дать немного фактуры, не раскрывая всех карт.

«Сегодня в мои руки попали поразительные документы. Оказывается, риторика структур, которые сегодня пишут экспертные заключения для наших судов по делам так называемых “сект”, дословно совпадает с докладными записками Апологетического семинара пастора Кюннета 1932 года. Того самого семинара, который позже передавал списки неблагонадежных граждан в гестапо. “Разлагающее воздействие на народную душу” превратилось в “разрушительное воздействие на психику”, но суть осталась прежней».

Он сделал глоток обжигающего кофе. Текст шёл легко, слова складывались в чёткую, обвинительную конструкцию. Нужно было добавить веса источнику, показать, что это не его личные домыслы, а результат серьёзной научной консультации. Помня о просьбе Руткевич, он тщательно обдумывал формулировку.

«Эти параллели обнаружились не где-нибудь, а в архивах старейшего академического института на Волхонке, где независимые историки всё ещё пытаются противостоять давлению псевдоэкспертов из РАЦИРС. Документы, которые мне показали, доказывают: мы имеем дело с системным заимствованием тоталитарных практик».

Андрей перечитал написанное. Имени Елены Руткевич там не было. Названия «Институт истории религии» — тоже. Формулировка «старейший академический институт на Волхонке» казалась ему достаточно расплывчатой для широкой публики, но при этом придавала тексту необходимую солидность.

Кнопка «Опубликовать» была нажата без колебаний.

Пост ушёл в сеть. Почти сразу начали появляться первые реакции: лайки, репосты, удивлённые комментарии. Адреналин от удачно заброшенной информационной бомбы приятно будоражил кровь. Это был первый реальный прорыв в деле, начавшемся с выломанной двери на Совхозной.

Он допил остывший кофе, расплатился и начал собирать вещи. Ноутбук плавно закрылся, погрузившись в спящий режим.

В этот момент на столе коротко завибрировал смартфон.

Экран высветил имя: *Елена Руткевич*.

Андрей потянулся к телефону, собираясь ответить и поблагодарить её ещё раз, возможно, рассказать о первых реакциях на пост. Но пока его пальцы касались холодного стекла, вибрация прекратилась. На дисплее осталась висеть красная надпись:

Пропущенный вызов.

Он нахмурился. Звонить через десять минут после расставания было не в её стиле. Андрей разблокировал экран, открыл приложение канала, чтобы ещё раз взглянуть на текст, и вдруг почувствовал, как внутри всё обрывается.

«...в архивах старейшего академического института на Волхонке...»

В Москве на Волхонке находилось не так много академических институтов. А тех, что занимались религиоведением и хранили архивы немецких протестантских семинаров, был ровно один. Для любого специалиста, для любого члена РАЦИРС, мониторящего информационное поле, эта формулировка была не просто намёком. Это был точный адрес.

Андрей смотрел на светящийся экран, осознавая, что в погоне за сенсацией он только что нарушил главное правило журналиста. Он подставил источник. И судя по пропущенному звонку, Елена Викторовна уже увидела этот пост.

В кофейне продолжала играть тихая джазовая музыка, за соседним столиком громко смеялись студенты, но для Андрея эти звуки вдруг стали далёкими и неважными. Механизм, о котором предупреждала историк, был запущен, и теперь он сам, своими руками, указал им новую цель.

Глава 4. Отвернувшиеся соседи

— Я не могу вам это продать, фрау Готхольт.

Голос зеленщика звучал сухо, лишённый привычной утренней бодрости. Господин Боде, тучный мужчина в заляпанном землёй брезентовом фартуке, смотрел не на Хелене, а куда-то поверх её плеча, на вывеску обувной лавки через узкую улицу. Его руки, обычно проворно взвешивающие морковь и лук, сейчас тяжело опирались на деревянный прилавок.

Очередь за спиной Хелене, секунду назад гудевшая обсуждением цен на уголь, внезапно стихла. Тишина стала плотной, осязаемой.

— Мы договаривались о двух килограммах картофеля ещё в среду, герр Боде, — спокойно произнесла Хелене, не убирая холщовую сумку с прилавка. — Мой муж работает в две смены, ему нужна горячая еда.

Зеленщик нервно сглотнул, его кадык дернулся над тугим воротником рубашки. Из-под прилавка он извлёк серый лист бумаги с фиолетовой печатью местного торгового управления.

— У меня есть предписание, — он понизил голос так, чтобы слышала только она, но слова всё равно падали тяжело, как камни. — Запрет на обслуживание лиц, состоящих в нелегальных группах. Если я продам вам хоть гнилое яблоко, завтра они закроют мою лавку. У меня трое детей, Хелене. Пожалуйста, уходите.

Холодный осенний ветер гнал по брусчатке сухие листья и обрывки газет. Хелене медленно свернула пустую сумку, кивнула, не сказав больше ни слова, и отошла от прилавка. Спирной она чувствовала десятки взглядов — не враждебных, но отстранённых, изучающих её как нечто чужеродное. Никто в очереди не возмущился. Никто не отвёл глаз.

На перекрёстке с Фридрихштрассе она заметила знакомую фигуру в сером шерстяном пальто. Эльза Фенске, жена блокляйтера Отто, несла в руках плетёную корзину из булочной. Ещё год назад они обменивались рецептами яблочного пирога и вместе штопали мужские рубашки по вечерам. Увидев Хелене, Эльза резко остановилась. Её лицо побледнело. Не замедляя шага, она развернулась под прямым углом и почти бегом пересекла проезжую часть прямо

перед дребезжащим трамваем, лишь бы не оказаться на одном тротуаре с бывшей приятельницей.

Это было первым безмолвным правилом нового порядка: зараза неблагонадёжности передавалась через простое приветствие. Социальная изоляция выстраивалась не указами из столицы, а вот такими перебежками через улицу, опущенными глазами и запертыми дверями.

Вечером того же дня община собиралась не в светлом арендованном зале, а в подвале дома на окраине Дортмунда. Свет давала единственная керосиновая лампа, подвешенная к низкому сводчатому потолку. Из сорока человек осталось лишь двенадцать. Остальные перестали приходить — кто-то из страха потерять работу, кто-то после вежливых визитов людей в хороших костюмах.

В дверь постучали. Два коротких удара, пауза, один длинный.

Мартин Готхольт отодвинул тяжелый засов. На пороге стоял брат Фишер. Старейшина общины отсутствовал три дня, его жена всё это время не находила себе места, обзванивая больницы и морги.

Фишер шагнул в тусклый круг света, тяжело опираясь на дверной косяк. Его седые волосы свалились, на левой скуле налился чернотой обширный кровоподтёк, а нижняя губа была рассечена. Серый пиджак, всегда безупречно вычищенный, теперь зиял прорехой на рукаве.

Хелене бросилась к нему, на ходу доставая из кармана чистый платок.

— Брат Фишер... Боже мой, что они с вами сделали?

Старик слабо поднял руку, останавливая её. Он прошёл к деревянному ящику из-под снарядов, заменявшему здесь стул, и медленно опустился на него. Дыхание давалось ему с трудом, со свистом вырываясь из груди.

— Допрос, — произнёс он одно-единственное слово. Голос звучал надтреснуто, словно внутри что-то сломалось.

— Кто это был? Полиция? Штурмовики? — Мартин присел рядом, подавая ему кружку с водой.

Фишер покачал головой, делая маленький, осторожный глоток.

— Они не представились. Просто поджидали у подъезда. Отвезли в какое-то здание в центре... требовали списки. Адреса тех, кто продолжает собираться. Я сказал, что списков больше нет. Что мы просто читаем Библию.

Он замолчал, глядя на свои руки. Костяшки пальцев были сбиты, ногти потемнели от запекшейся крови.

— Они не кричали, — тихо добавил старейшина. — Они били очень методично. Как будто выполняли рутинную работу. Один из них сказал, что мы мешаем национальному единству. Что мы — сорняки на поле государства.

Собрание в тот вечер прошло в гнетущей тишине. Гимны не пели, опасаясь привлечь внимание соседей сверху. Читали Писание шёпотом, передавая затрёпанную книгу из рук в руки. Граница между их верой и внешним миром окончательно превратилась в линию фронта.

На следующий день эта линия прошла через детей.

Хелене вернулась с утренней смены в больнице и только успела поставить чайник на плиту, как в дверь робко поскреблись. На пороге стояла девятнадцатилетняя Грете Бергман. Её лицо было заплаканным, а руки судорожно сжимали плечи стоящего рядом худенького мальчика в коротких штанишках и форменной школьной куртке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.